

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Limburg/Lahn. Verlag
„Possev“. Bankkonto: Limburger Bank V 14 Post-
scheckkonto: Frankfurt/M 33.461. Условия подписки в
Германии: 5 ном.—3 НМ, 10—6 НМ, 15—9 НМ, и т. д.
Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ, 1/32—
13 НМ, 1/16—25 НМ, 1/8—50 НМ, 1/4—90 НМ, 1/2—
180 НМ, 1 стр.—360 НМ. Розыски—20 пф. слово.

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже **70 пфен.**

V ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 СЕНТЯБРЯ 1949 Г.

№ 39 (174)

ПЫТКА ВОСТОРГОМ

А. Няколин

Газеты сообщают, что Д. Шостакович закончил ораторию, посвященную пятнадцатилетнему «сталинскому» плану лесонасаждения в южных и юго-западных областях России. Как и полагается произведению такого рода, оратория, написанная для хора и оркестра, должна заражать слушателя чувством гордости, радости и благоговения.

Мы не знаем, как справился Шостакович с социальным заказом; мы не знаем, что представляет собой его оратория в музыкально-художественном отношении.

Но если Шостакович остался верен чутью художника и его искусственная радость ему не удалась, если оратория его — дань неуклюжей дешевке, преподносимой под названием «социалистического реализма» — нам больно за нашего большого композитора так же, как было больно нам за него, Хачатуряна и Мясковского во дни недавнего на них гонения.

Если же Шостакович пожертвовал своим вдохновением грубой силе, если

он, стиснув зубы и забыв на время недавние унижения, забыв горе и позор Родины, отданной во власть людям типа Жданова, сотворил произведение, его достойное, — нам вдвойне и больно и стыдно за него.

Ведь не в том дело, что и сам план спорен, что лесонасаждение по методам, указанным в плане (методам, противоречащим решительно всем трудам русских почвоведов и лесоведов) грозит обернуться новой угрюм-бурчеевщиной, новым ярмом на шее народа. Предположим обратное. Предположим, что засоленные глубинные подпочвенные слои нашей степи не посмеют послушаться «приказа партии и правительства» и дадут возможность свободно развиваться корням будущего леса. Предположим, что ученые найдут способы как-то преодолеть все климатические, почвенные и ботанические препятствия.

Вопрос не в том, что художника заставляют воспевать сомнительное предприятие, а в том, что его вообще заставляют, принуждают, под угрозой Лубянки, творить так, как ему приказано свыше.

Советский стиль воскрешает древние формы творчества, наполняя их новым содержанием. Поэты слагают оды Сталину, пишут баллады о Ленине и умиленные колхозные идиллии, в которых счастливые колхозники прославляют и Ленина и Сталина. Живописно рисуют Сталина, придерживаясь строгих канонов классического монументализма: мужественное лицо (вернее, лик), величавая простота, орлиный взор. Огромные здания, построенные советскими архитекторами, давят своей массой, несмотря на портики и колонны. И на них непременно — либо баре-

льеф Сталина в лучах, либо торжественно-неуклюжая скульптурная группа. Наконец, композиторы тратят свой дар на кантаты, гимны Сталину, или (как венец) — ораторию «сталинскому» плану. Чем-то унылым, чем-то мертвящим веет от всей этой казенщины. И разве может быть иначе?

«Оратория» Шостаковича — не только его личная трагедия. Это трагедия всего нашего народа, заключенного наполовину в казарме, наполовину в тюрьме. Его творческие порывы скованы. Его искусство «переключено» на штампы славословия. Его литература, — «зеркало жизни», лжет. Его наука поставлена на службу отжившим, ненаучным теориям, без малого столетней давности. Его философская и общественная мысль молчит.

О, что бы было, если бы народ наш заговорил полным голосом! О какой бы боли поведал он тогда миру — и словом, и звуком, и краской! Не потому ли власть наступила ему на горло? Не потому ли она его творчество гонит вспять — к псевдо-классике XVIII в., к фальши всеобщего благоденствия?

И не для того ли сочиняются все эти постыдные кантаты и оды, гимны, идиллии и оратории, чтобы держать народ в духовном плену, чтобы лишить рабов представления о свободе, несчастных — мысли о счастье, усталых — мечты об отдыхе?

Голодай и восторгайся. Трудись до изнеможения — и восторгайся. Смотри, как тебя избегают знакомые потому, что твой брат в концлагере — восторгайся. Восторгайся и благодари «партию и правительство» за убогую, серую, нищенскую жизнь, за изобилие для немногих избранных.

Вероятно, Шостакович мучился, создавая ораторию. Но это не были сладкие «муки творчества».

Это была пытка восторгом.

В номере:

Н. Осипов и Р. Редлих
ВКП(б)

(организация профессиональных революционеров)

А. П. Столыпин
ПЯТЬ УТВЕРЖДЕНИЙ

Григорий Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ